

История повторяется

Роман Якова Шафрана «Круг замкнулся» раскрывает широкую панораму современной жизни, корни которой — в прошлом нашего народа...

...и в этой панораме можно увидеть, как перекликаются идеи лет минувших о судьбе России с аналогичными идеями современности.

Личная жизнь, работа и социальные вопросы героев предстают перед нами на фоне исторических и общественных коллизий без малого века: действие романа охватывает период с 1913 по 2009 годы.

Это многоплановое и многоуровневое произведение, изобилующее фактами из истории и православия России и нынешними житейскими делами, в котором представлены четыре линии; из них две — сюжетные.

Первая — описание жизни и трудов Андрея Курилова, начавшееся с его предков конца XIX века, а далее — детство, юность, молодые годы главного героя, его дела.

В другой сюжетной линии — российские события начала XX века, самым серьёзным образом повлиявшие на дальнейший исторический путь страны и судьбы людей. Мы видим это на примере предков нашего героя — семьях рабочих Григория Курилова и Ивана Степанова, писателя и философа Николая Земскова, помещика Павла Соловьёва и профессора Михаила Заяничского и, конечно, их близких. Это годы «разброда и шатания» перед Октябрьской революцией.

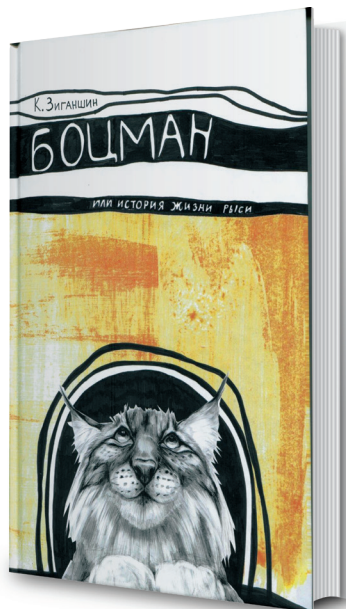
Мы видим, как сильно изменилась жизнь в конце тридцатых: за каких-то десять лет страна стала мощной индустриальной державой. И на этом разновременном фоне писатель знакомит нас с мыслями и судьбами своих героев.

Раздумья о Боге и православной вере, непрерывности истории и патриотизме, разных путях развития страны можно определить как третью линию романа, не сюжетную. Автор обращается ко времени возникновения христианства, пишет о расколе церкви на православную и католическую, говорит о глубокой связи времён и близости идей, возникших в канун великих потрясений и кризисов 1917-1921 годов, с идеями, охватившими умы накануне развала СССР и последовавших за этим экономических потрясений.

Писатель открывает путь подлинного единства народа. Это скрепа между прошлым и настоящим, неразрывность и преемственность истории. Устами своих персонажей автор говорит о таком важном условии дальнейшего развития общества, как преобразование школьного и высшего образования.

В романе есть ещё одна тема — лирическая, которая очень красит всё повествование и, возможно, ещё потому, что сам автор — прекрасный поэт. Описания природы, любовных чувств героя, воспоминаний о матери звучат, как тонкая поэзия. По-хорошему "архаичны" ассюждения Шафрана о любви, которая, по мнению автора, предполагает ещё и дружбу, и полное взаимопонимание, но как же всё это правильно! Человек должен оставаться человеком, в какое бы время ни жил.

Алексей ЯШИН,
главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»

Звериное сердце

Рассказы о животных всегда были любимы читателями — и в России, и за рубежом

Этот жанр прозы весьма труден, поскольку автору важно знать предмет досконально, чувствовать звериную душу, понимать переливы чувств наших меньших братьев.

Когда писатель самозабвенно погружён в подобную стихию переживаний, действий и коллизий, а собственно литературные законы являются для него творческим обыкновением, художественный результат его труда остаётся в истории словесности и перетекает из эпохи в эпоху: дед читает историю о звериной жизни внуку, тот вкладывает книгу в руки своему сыну. Вот зримое свидетельство свободы таких рассказов от разрушительного влияния времени.

В хитросплетениях сюжета уже изначально заложено стремление автора донести до читателя детали неизданного им мира в полноте. Пожалуй, это библейская полнота — ведь человек меняется, а зверь в своих чувственных основаниях остаётся прежним, хотя появляются новые опасности, и природа, увы, теряет свой прежний облик.

Камиль Зиганшин в современной русской литературе, наверное, лучше всех пишет в упомянутом жанре. Его пейзажи и происшествия, весь окружающий главных героев мир чрезвычайно наглядны. Слова, лежащие на бумаге, становятся видимой действительностью — яркой, выразительной, динамичной. Кажется, автор сначала наблюдает, и только потом «рисует» схваченное внимательным глазом. А читатель идёт за повествователем, становясь соглядатаем.

Бытует мнение, что у зверей нет души, вместо неё — набор рефлексов. Видимо, тут сказывается как атеизм говорящего, так и сухость его ума, а подчас — скрытая жестокость. Зверь — это не кусок камня, а средоточие эмоций и носитель основ нравственного начала, причём неповреждённых основ. Он может быть благодарен, мстителен, отходчив, памятливы на предательство — и ещё много иных качеств таится в особой душе представителя загадочного царства животных. В незапамятные времена человек подверг сомнению дары, которые были даны ему Богом, и теперь часто не знает, где добро, а где зло. Вот почему с такой искренней жадной духовной твёрдостью читаются книги о наших младших братьях.

В повести Камилы Зиганшина о рыси по имени Боцман поведение человека двойственно. Есть «правильный» охотник и «неправильный», если судить по совести и правде. А сам сюжет пронизан замечательно точным чувством справедливости, носителем которого оказывается красивый, сильный и смелый лесной зверь.

Беды обрушиваются на Боцмана с двух сторон: природная стихия лишает его силы, и человек подло губит его. Примечательно, что к природе читатель не испытывает неприязни — ведь рысь всё-таки её часть. А вот человеческие поступки отчётливо предстают на страницах повести в низости и в доброте. Такая скрытая авторская посылка воспитывает читателя, хотя сегодня — в координатах современной демонической культуры — это может показаться утопией.

История рыси приоткрывает душу лесного зверя, и, будто оптическое стекло, позволяет нам увидеть свои тайники — не проявленную до срока способность быть щедрым, искренним, благородным. И наравне с жизнью ценить собственное достоинство.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Представляет
«Вече»

Неоязычество Дейвида Лоренса

У Дейвида Герберта Лоренса происхождение пролетарское, как у Джека Лондона или Максима Горького, — а у таких писателей очень силен классовый инстинкт

Всем им присуще желание либо упрекнуть словесное и имущественное неравенство, либо самим подняться по социальной лестнице, чтобы сподручнее было критиковать и бороться с эксплуатацией и отчуждением людей в буржуазном обществе.

Но у Лоренса было важное отличие от ему подобных — собственная, не столько социальная, сколько биологическая программа излечения безнадежно больного человечества. А именно: комплексная реабилитация секса в пантеистическом понимании, как то было в Античности или в эпоху Возрождения...

При жизни Лоренса в европейских странах в очередной раз поднялась протестная волна, докатившаяся до наших дней. Неслучайно подвергавшийся гонениям и запретам роман «Любовник леди Чаттерлей» дождался судебного оправдания лишь через тридцать лет после смерти автора, когда зарождались и «шли на всплеск» массовые молодёжные движения, приведшие к так называемой сексуальной революции и всем известному призыву Make Love, Not War. Кстати, это благодаря Лоренса слово sex изменило значение и стало значить то, что значит сегодня.

В ханжеской викторианской Англии всё это находилось на таком же нелегальном положении, как у наших тургеневских девушек. Общество было невротично, и кто-то должен был прийти, чтобы освободить его от глубочайшего ощущения вины за свои чувства и тайные желания. Одним из первых за это взялся Лоренса — и преуспел. Как и Фрейд, ему особенно были признательны за это женщины, а ведь они-то и создают славу писателю. Тем более что откровенные описания любовных сцен выглядели весьма поэтично и сопровождались интеллектуальным обоснованием в авторской речи и в пространственных декларативных заявлениях главных героев. Лоренса трижды переписывал свой последний, заветный и программный роман для всё более доказательного обоснования неоязыческого кредо...

Последние десять лет писатель скитался с женой-немкой по трём континентам, избегая, как огня, родной Англии, где цену ему знали только собраты-писатели: Олдингтон, Хаксли, поэты-имажисты. Кроме романов и рассказов, он писал замечательные стихи и модернистские картины. Умер во Франции от туберкулёза...

Пропаганды сексуальности у Лоренса в избытке, но достаточно и трезвой аналитики. Убедительных рассуждений, например, об оскудении витальности во всё более машиноподобном обществе, где личностей пруд пруди, а характеров кот наплакал. О том, как легко любовь у нас переходит в ненависть и как важно, чтобы у любовников и супругов не было так называемого родства душ и полного согласия во всём, но сохранялась изначальная разница потенциалов, как у полюсов магнита. Неожиданно страстно Лоренса защищает от посягательств идеал семьи, предложенный миру христианством, поскольку лучше многих понимает, что уничтожение семьи превращает людей в рабов государства.

Свой замечательный комментарий к собственному роману он заканчивает с чисто британской иронией: «Одна американка, прочитав книгу, заметила: "Муж — интеллектуальный вампир, любовник — сексуальный маньяк. Бедняжке Конни не из чего было выбирать. Обычная история"».